

АВТОР И ПОЭЗИЯ

П.С. Гуревич

ДО ГРОБА СТРАСТИ НЕ ИЗБУДУ... (О поэзии Бориса Чичибабина)

Аннотация. Статья посвящена разбору творчества известного русского и советского поэта Бориса Чичибабина. Судьба поэта оказалась не лучезарной. Ему пришлось перенести и осознать опыт лагерного сидельца. Он познал зависть и недоброжелательство собратьев по перу. Слишком жизнь поэта не укладывалась в литературский трафарет. Его назвали «гениальным графоманом». Можно ли это трактовать как оксюморон? Графоман – антипод гения. Но отказать Б. Чичибабину в неиссякаемом таланте просто невозможно. В статье отмечаются основные темы поэтического творчества Б. Чичибабина: любовь, страдания, духовность, смерть, литературное призвание. Отмечается, что в поэзии стихотворца нет негативных, чёрных состояний. Злоба и мстительность не свойственны ему. В статье используются герменевтические приёмы погружения в текст, разгадки его скрытого содержания, потаённых смыслов, шифров и символики. Автор опирается также на методы философского постижения человека, его страстей.

В отечественной литературе не так уж много публикаций, посвящённых творчеству Б. Чичибабина. Можно назвать, к примеру, очерк Г.С. Померанца «Одинокая школа любви. Поэзия Бориса Чичибабина». Известный культуролог стремится восстановить подлинную ценность поэзии этого человека, его роль в истории отечественной культуры. Очерк связывает стихи с обстоятельствами жизни поэта. Однако творчество Б. Чичибабина заслуживает обстоятельного критического анализа, рассмотрения его художественной эволюции, присущих ему стиливых и жанровых особенностей. Разумеется, для раскрытия такого замысла одной или даже нескольких статей недостаточно. Наша публикация – скорее приглашение к более развёрнутому и тщательному анализу творчества знаменитого поэта.

Ключевые слова: поэзия, творчество, любовь, смерть, смысл, страсти, душа, память, христианство, язычество.

Abstract. The article is devoted to the analysis of creative work of a famous Russian and Soviet poet Boris Chichibabin. This poet had an uneasy life. He had to live through and accept the experience of being imprisoned. He experienced hatred and malevolence of other authors. The poet's creative work was too far from rules and standards of literary writing. He was called the 'genius graphomaniac'. Is it an oxymoron? Graphomania is the antipode of genius. However, Boris Chichibabin was certainly a genius. The author of the present article focuses on the main themes of Boris Chichibabin's poetry such as love, passion, spirituality, death and literary gift. Gurevich emphasizes that Chichibabin's poetry has no negative or dark moods. Anger or rancour is alien to him. In the course of his research Gurevich has used hermeneutical methods of textual analysis allowing to reveal the hidden meaning, codes and symbols of the poem. The author also bases his research on the methods of philosophical analysis of human and his passions. Russian academic literature does not have so many articles or researches devoted to Borish Chichibabin. One of such article is the essay 'The Lonely School of Love. Poetry of Borish Chichibabin' written by G. Pomeranets. Being a famous culture expert, Pomeranets tries to demonstrate the true value of Chichibabin's poetry as well as his role in the history of Russian culture. In his essay Pomeranets relates particular poems written by Chichibabin to life situations experienced by the poet. Still, Boris Chichibabin's poetry deserves a more detailed critical analysis, in particular, analysis of his particular style and genre. Of course, just one research article wouldn't be enough to achieve this goal. Gurevich's article is rather an invitation for a more detailed and comprehensive analysis of the creative work of this famous poet.

Key words: poetry, creative work, love, death, meaning, passions, soul, memory, Christianity, paganism.

Каким образом одинокие слова превращаются в образ? За окном, к примеру, видна берёза, на которую выпал снег. До времени лишь констатация зимы. Но вот взглянул на эту берёзу поэт и слова сомкнулись в порыве чувства:

Белая берёза под моим окном
Понакрылась снегом,
Точно серебром.

В чём же тут магия слова? В том ли, что снег «понакрыл» березу или в том, что она украсилась серебром?

Все, можно полагать, видели мерцанье небесных светил. Но поэт придал им человеческие черты и получился образ вселенской пронзительности:

И звезда с звездою говорит...

Всем известно, для любовного состояния нужны два человека. Нежность должна на ком-то закрепиться. Она ведь не бумеранг. Ей нужен вектор. Но любовь может не вызвать ответного чувства. И, славя её неодолимую духовную мощь, поэт напишет «не бывает любви несчастной».

Конечно, даже неразделённая любовь приносит счастье. Но можно ли пройти школу любви в одиночестве? Нельзя построить храм на крови. Немыслимо заточить любовь в отрешённость.

Русский поэт Борис Чичибабин пишет:

*Взрослым так и не став, покажусь-ка
я белой вороной.*

*Если строить свой храм – так уж, видимо,
не на крови.*

*С той поры, как живу на земле неодухотворённой,
я за ней прохожу одинокую школу любви.*

Не всякий поэт укоренён в реальности. Есть такие, которые продвигаются рядом с ней, не сливаясь и не соединяясь. Им больше приличествует маска. И они предъявляют окружающим свой придуманный образ, свой намеренно скрытый лик: «покажусь-ка я белой вороной». Коль скоро нет на земле одухотворённости, то незачем возлагать на любовь восторг обоюдности.

В земной реальности образ возлюбленной может терять конкретность. Свидетельствовать о ней может её веселый голос и печальные очи. О ней можно тосковать в глуши, во мраке заточенья. За ней порой придётся и бежать, хотя «молить напрасно, звать напрасно». Но в любимой может проступить и лик вечности, её неземной зрак. И поэт, захваченный чувством, сам отодвинет её на дистанцию веков или разместит на фресках. Любовь станет одинокой, она и не предназначена для мига.

Ты с снах любви, как лебедь, белогруда.

Но и слепым душа в тебе видна.

Все женщины прекрасны. Ты одна

божественна и вся добро и чудо,

Как свет и высь. Я рвусь к тебе со дна.

Все женщины для мига. Ты одна

для вечности. Лицо твоё на фресках.

Разделение мгновенного и вечного – постоянная тема поэта. Земная конкретность служит для него знаком неуничтожимого. Однако при этом поэт избегает пафоса. Восторг перед женщиной не

выходит из берегов. Признание в любви окрашено едва уловимой, доброй иронией: «ты в снах любви как лебедь белогруда». От этой простой фразы поэт продвигается к свету и выси, чтобы засвидетельствовать вечный лик любимого человека.

Поэт Борис Чичибабин родился в семье офицера. Семья жила в Кировограде, а затем в начале 30-х годов перебралась в поселок Рогань под Харьковом. Там будущий поэт начал учиться в школе. В 1935 г. Полушины переехали на родину Репина – в Чугуев, где отчим получил должность начстаба эскадрильи Чугуевской школы пилотов. Борис учился в Чугуевской 1-й школе с 5-го по 10-й класс. Здесь он уже постоянно посещал литературный кружок, публиковал свои стихи в школьной и даже городской газете под псевдонимом Борис-Рифмач.

В стихах отражена вся его жизнь, с радостью и горем, страстностью и смертельной усталостью. После войны, в 1946 г. поэт был арестован и осуждён. Обвинение в антисоветской агитации опиралось на стихотворные строчки поэта. Но голос стихотворца не стих. Он и во время следствия в Бутырской тюрьме написал своё известное стихотворение «Махорка».

*Меняю хлеб на горькую затыжку,
родимый дым приснился и запах.*

*И жить легко, и пропадать нетяжко
с курящейся цигаркою в зубах.*

*Я знал давно, задумчивый и зоркий,
что неспроста, простужен и сердит,
и в корешках, и в листиках махорки
мохнатый дьявол жмётся и сидит.*

*А здесь, среди чахоточного быта,
где холод лют, а хижинны мокры,
все искушенья жизни позабытой
для нас остались в пригоршне махры.*

*Горсть табаку, газетная полоска -
какое счастье проще и полней?*

*И вдруг во рту погаснет папироска,
и заскучает воля обо мне.*

*Один из тех, что «ну давай покурим»,
сболтнёт, печаль надеждой осквернив,
что у ворот задумавшихся тюрем
нам остаются рады и верны.*

А мне и так не жалко и не горько.

Я не хочу нечаянных порук.

*Дымись дотла, душа моя махорка,
мой дорогой и ядовитый друг.*

Если бы не чеканная обработка строк, можно было бы сказать «хороший образец тюремной лирики». Если бы не ярость, бьющая через край, позволительно было бы отнести стихи к сентиментальному, блатному творчеству. Но вот что поэт сообщает о себе – «задумчивый и зоркий». И это так. Бунтарство здесь страстное, но задумчивое. Пригоршня махры напоминает теперь об искушеньях жизни позабытой. Но пламень сердца, который раз-

горится позже в зрелых стихах поэта, ещё раз будет испепелять душу стихотворца: «Гори дотла, душа моя махорка».

Лагерные воспоминания не сотрутся. Они будут непрошено «фонить», врывать в самое нутро чувств, очистительным огнем окрашивая неизменное пришествие любви:

*Люблю твое лицо. В нём каждая черта –
от облачного лба до щекотных ресничек
стесняется сказать, как ландышно чиста
душа твоя, сестра деревьев и лесничих.*

Здесь нет никакой экзотики, вроде строк Н. Заболоцкого «отвори мне лицо полуночное». Тут всё девственно природно: деревья и ландыши, лоб и реснички. Сказано о лице, а отражена душа в её неизбывной, простой красоте. Образность у Б. Чичибабина достигается свободным владением словами. Он постоянно экспериментирует: существительное превращает в прилагательное, а отдельную черту лица наделяет застенчивостью, словно это живое ваяние.

У поэта особая страсть к старославянским речениям. Но это не надуманная архаика, не стилевая игра. Скорее, поиск особой выразительности. Тем более, что забытое слово, почти ушедшее из привычного языка, прорастает в простой, обыденной речи:

*Отныне мне навек не будет плохо,
Не пророню ни жалобы, ни вздоха,
И в радость боль, и бремя – благодать.
Кто принимал к рукам твоим и бёдрам,
Тот внидет в рай, тому легко быть добрым,
О, дай Господь, всю жизнь тебя ласкать!*

Вольность обращения со словом вызывает не протест, а радостное ощущение свободы говорения. Проронить жалобу можно, а вздох – проронить нельзя. «Быть в добрым» звучит обыденно, а «внидет в рай» – замысловато, торжественно. Игра стиливыми красками – заразительное мастерство Б. Чичибабина.

«Не спрашивай, что было до тебя» – одна эта строчка могла бы выразить весь потаённый смысл стихотворения. Она самодостаточна и ёмка, как слова других поэтов – «Хотел бы в единое слово» или «Выхожу один я на дорогу». Так может говорить человек, отодвинувший свою жизнь на расстояние вытянутой руки, чтобы оглядеть мучительным взглядом. Чтобы заново отрешённо пережить боль, возможно, сдержанно, но страстно. (Сравним у Шекспира: «И вновь плачу я дорогой ценой за то, за что платил уже однажды».)

*Не спрашивай, что было до тебя.
То был лишь сон. Давно забыл его я.*

*По кругу зла, под ружьями конвоя
нас нежил век, терзая и губя.
От наших мук в лесах седла хвоя,
хватал мороз, дыханием клубя,
В глуби меня угасло все живое,
безвольный дух в печали погребя.
В том страшном сне, минутная как милость,
Чуть видно, ты, неведомая, снилась.
Я оживал, в других твой свет любя.
И сам воскрес, и душу вынес к полдню,
и все забыл и ничего не помню.
Не спрашивай, что было до тебя.*

Как просто и терзающе остро можно сказать о неизгладимости прошлых переживаний. Б. Чичибабин – советский и русский поэт. Он даже лауреат Государственной премии. В договорное прикосновение к официальной идеологии он мог внести тревожный смысл. Бывший сиделец всё забыл и ничего не помнит. Не осталось в памяти, как он стоял у ворот задумавшихся тюрем. Как хлеб менял на горькую затяжку. Возможно ли такое? И что означает «и сам воскрес, и душу вынес к полдню» – всё что угодно, только не беспамятство, не амнезийный шок. Нет здесь ни присягания власти, ни катарсического очищения. Есть неуничтожимая боль, и перечти ещё раз эту строчку, с которой начинается и завершается стихотворение «Не спрашивай, что было до тебя».

Борис Чичибабин – поэт трагической темы. Его невозможно подверстать под казённую идеологию. Он может даже написать о подвиге. Но стихотворение обожжёт отречением, отказом, добровольным призыванием горечи и утрат.

*Не подари мне лёгкой доли,
В дороге друга, сна в ночи.
Сотри мозолями ладони,
К утратам сердца приучи.
Покуда длится время злое,
Да буду хвор и немощ.
Дай задохнуться в диком зное,
Весёлой замутью замучь.
И отдели меня от подлых,
И дай мне горечи в любви,
И в час, назначенный на подвиг,
Прощённого благослови.*

Поэт призывает на себя все несчастья, всю обездоленность жизни, а воспевает «весёлую замуть», «дикий зной». Так в отречение проступает предназначённость, в горечи – сладость нежности, в отсутствии рядом верного друга – преданность и самоотверженность, в тяжести жизни – ликование мозольного труда.

Трудности жизни закалили поэта. Поселили в душе веру в избранность слова и поэтического ремесла:

*До гроба страсти не избуду,
В края чужие не поеду.
Я не был сроду и не буду,
каким пристало быть поэту.
Не в игрищах литературных,
не на пирах, не в дачных рощах -
мой дух возвращался в тюрьмах
этапных, следственных и прочих.
И всё-таки я был поэтом.
Я был одно с народом русским.
Я с ним ютился по баракам,
леса валил, подсолнух лускал,
каналы рыл и правду брякал.
На брюхе ползал по-пластунски
солдатом части минометной.
И в мире не было простушки
в меня влюбиться мимолетно.
И всё-таки я был поэтом.
Мне жизнь дарила жар и кашель,
а чаще сам я был нешелков,
когда давился пшённой кашей
или махал пустой кошёлкой.
Поэты прославляли вольность,
а я с неволей не расстанусь,
а у меня вылазит волос
и пять зубов во рту осталось.
И всё-таки я был поэтом,
И всё-таки я есмь поэт.
Влюблённый в чёрные деревья
да в свет восторгов незаконных,
я не внушал к себе доверья
издателей и незнакомок.
Я был простой конторской крысой,
знакомой всем грехам и бедам,
водяру дул, с вожжами грызся,
тишком за девочками бегал.
И всё-таки я был поэтом,
сто тысяч раз я был поэтом,
я был взаимвадшим поэтом
И подыхаю как поэт.*

Каким поэтом был Б. Чичибабин? В полной ли мере оценено его творчество? К сожалению, за ним тащится след завистников и недоброжелателей. Нередко его называют «гениальным графоманом». Впервые эти слова произнес поэт А. Межиров. Ссылаются при этом на отдельные, не до конца выверенные и просто неудачные строчки. Но вот что написал по этому поводу Г.С. Померанц: «Поэзия Чичибабина, нарушая каноны, выработанные в литературных кружках, вошла в современность, расталкивая мастеров» [1, с. 368].

Впрочем, он же, Померанц, приводит стихи поэта, которые можно рассматривать как ответ на «гениального графомана»:

*Нехорошо быть профессионалом.
Стихи живут как небо и листва.
Что мастера? Они довольны малым.
А мне, как ветру, мало мастерства.
Наитье чар и свет в оконных рамах,
трава меж плит, тропинка к шалашу,
судьба людей, величье книг и храмов -
мне всё важней всего, что напишу.
Я каждый день зову друзей на ужин.
Мой дождь шумит на множество ладов.
Я с детских лет к овчаркам равнодушен
дворнягам умным вся моя любовь.*

В известной мере это не только ответ, но краткая характеристика собственного творчества. Он сам определяет направленность своего творчества. Не обращается поэт к эпохальным событиям времени. Не откликается на востребованные лозунги. Но ему дороги судьбы людей, величье книг и храмов. Не зря в стихотворении упоминаются и овчарки. Поэт откликается на чужую боль. Памятные в своё время стихи Юза Алешковского «Пусть другие кричат от отчаянья, от обиды, от боли, от холода» не про Б. Чичибабина. Вот что он пишет:

*И вижу зло, и слышу плач,
и убегаю, жалкий, прочь,
раз каждый каждому палач
и никому нельзя помочь.
Я жил когда-то и дышал,
но до рассвета не дошёл.
Темно в душе от божьих жал,
хоть горсть легка, да крест тяжёл.
Во сне вину мою несую
и - сам отступник и злодей -
безлистным деревом в лесу
жалею и боюсь людей.
Меня сечёт господня плеть,
и под ярмом горбится плоть, -
и ноши не преодолеть,
и ночи не перебороть.
И были дивные слова,
да мне сказать их не дано
и помертвела голова,
и сердце умерло давно.
Я причинял беду и боль
и от меня отпрянул Бог
и раздавил меня, как моль
чтоб я звать к нему не мог.*

Прочитав ещё строчки Г.С. Померанца о поэте: «Можно сказать, что Чичибабин – гражданин мира, космополит. И это верно. Но космополит, который жить не может без своей большой России. Поэзия Чичибабина – живое доказательство, что граж-

данин мира может любить свою родину страстно и нежно, что патриотизм связан с чужедедством не по природе своей, а по грехам человеческим, по подсознательному желанию найти предмет ненависти и излить на него свою злобу. В Чичибабине злобы нет. Есть вспыльчивость, горячность, а злобы нет. Слишком много любви, и любовь гасит вспышки гнева» [1, с. 366].

Борис Чичибабин – виртуоз поэтического слова. Нередко он пользуется, как уже отмечалось словами, которые ещё понятны, но уже вышли из повседневно обихода. Часто заменяет прилагательные наречием, что усиливает образность выражения. В самом деле можно сказать «сон чуткий», а можно «сон чуток». Понятное дело, что второй вариант точнее передаёт полусонное состояние. В стихах поэта можно встретить и своеобразную инверсию жанра. Вот он, усталый, готовый к смерти, прибегает к молитве. Но обращается он не к Господу Богу, а к Смерти, в чём проявляется его языческая приверженность. Однако молитва стилизуется под обычную христианскую исповедальную интонацию.

*Сними с меня усталость, мать Смерть.
Я не прошу награды за работу,
но ниспошли остуду и дремоту
на моё тело, длинное как жердь.
Я так устал. Мне стало всё равно.
Ко мне всего на три часа из суток
приходит сон, томителен и чуток,
и в сон желанье смерти вселено.
Мне книгу зла читать не вмогуту,
а книга блага вся перелисталась.
О мать Смерть, сними с меня усталость,
покрой рядом худую наготу.
На лоб и грудь дохни своим ледком,
дай отдохнуть светло и беспробудно.
Я так устал. Мне сроду было трудно,
что всем другим привычно и легко.
Я верил в дух, безумен и упрям,
я Бога звал – и видел ад воочью, -
и рвётся тело в судорогах ночью,
и кровь из носу хлещет по утрам.
Одним стихам вовек не потускнет,
да сколько их останется, однако.
Я так устал! Как раб или собака.
Сними с меня усталость, мать Смерть.*

Языческое обоготворение Смерти, которая единственно способна освободить от жажды жизни, от томительной бессонницы, от безмерной усталости. Бескомпромиссная готовность к уходу. Отчёт о метаниях, в том числе и вероучительских: «Я Бога звал, и видел ад воочью». Приговор собственному

творчеству. Спокойное признание – «Одним стихам вовек не потускнет» и убеждение в том, что таких строк не так уж и много. «Дыханье смерти», которое в сон «вселено». Мы говорим «вселиться», но наречие это по сути дела не употребляем.

Страсти в Чичибабине неизбывны. Только так, в захваченности страстей интерес человек. Но для поэта манифестально – «до гроба страсти не избуду». Конечно, труд Б. Чичибабина выбивается из устоявших литературных канонов. Но кому из советских поэтов пришлось бы в голову написать оду воробью, птице не самой заметной. А Чичибабин сделал такой выбор. И это показательно.

Но если искать какие-то параллели в животном мире, то здесь верблюд – самый точный и убедительный пример.

*Из всех скотов мне по сердцу верблюд
Передохнёт – и снова в путь, навьючась.
В его горбах угрюмая живучесть,
века неволи в них её вольют.
Он тащит груз, а сам грустит по сини
он от любовной ярости вопит,
Его терпенье пестуют пустыни.
Я весь в него – от песен до копыт.
Не надо дурно думать о верблюде.
Его черты брезгливы, но добры.
Ты погляди, ведь он древней домбры
и знает то, чего не знают люди.
Шагает, шею шепота вытягивая,
проносит ношу, царственен и худ, -
песчаный лебедин, печальный работяга,
хорошее чудовище верблюд.
Его удел – ужасен и высок,
и я б хотел меж розовых барханов,
из-под поклаж с презреньем нежным глянув,
с ним заодно пописать на песок.
Мне, как ему, мой Бог не потакал.
Я тот же корм перетираю мудро,
и весь я есть моргающая морда,
да жаркий горб, да ноги ходока.*

Жизненные мытарства не превратили поэта в злобного страдальца, сурового мытаря, человеконенавистника. Напротив, страдания закалили его души. Он стал певцом духа и света.

*Ещё смогут сто раз на позор
и на ужас обречь нас,
но чтоб крохотный светик
в потёмках сердец не потух,
нам даёт свой веноч –
ничего не поделаешь – Вечность,
и всё дальше ведёт –
ничего не поделаешь – Дух.*

Список литературы:

1. Померанц Г.С. Одинокая школа любви. Поэзия Бориса Чичибабина // Померанц Григорий. Страстная односторонность и бесстрастие духа. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 618 с.
2. Чичибабин Б.А. В стихах и прозе. М.: Наука, 2013. 588 с.
3. Чичибабин Б.А. Собрание стихотворений. Харьков: Фолио, 2009. 890 с.
4. Богославский М. Борис Чичибабин и Иосиф Бродский – как ключевые фигуры русской поэзии конца XX века. (URL: <http://www.stihi.ru/2006/05/28-733> (дата обращения 29.06.2015)).
5. Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике / Сост. И.О. Шайтанов. М., СПб.: Университетская книга: ЦГИ, 2010. 688 с.
6. Губайдуллина А. Две родины в лирике Б. Чичибабина // Русскоязычная литература в контексте восточнославянской культуры: Сб. статей по материалам Международной Интернет-конференции (15-19 декабря 2006 г.) / Науч. ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2007. С. 93-105.
7. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век. 3-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 591 с.
8. Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура / Пер.с англ. Сост. П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: Юрист, 1996. 575 с.

References (transliteration):

1. Pomerants G.S. Odinskaya shkola lyubvi. Poeziya Borisa Chichibabina // Pomerants Grigorii. Strastnaya odnostoronnost' i besstrastie dukha. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 618 s.
2. Chichibabin B.A. V stikhakh i proze. M.: Nauka, 2013. 588 s.
3. Chichibabin B.A. Sobranie stikhotvoreniy. Khar'kov: Folio, 2009. 890 s.
4. Bogoslavskii M. Boris Chichibabin i Iosif Brodskii – kak klyuchevye figury russkoi poezii kontsa XX veka. (URL: <http://www.stihi.ru/2006/05/28-733> (data obrashcheniya 29.06.2015)).
5. Veselovskii A.N. Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poetike / Sost. I.O. Shaitanov. M., SPb.: Universitetskaya kniga: TsGI, 2010. 688 s.
6. Gubaidullina A. Dve rodiny v lirike B. Chichibabina // Russkoyazychnaya literatura v kontekste vostochnoslavianskoi kul'tury: Sb. statei po materialam Mezhdunarodnoi Internet-konferentsii (15-19 dekabrya 2006 g.) / Nauch. red. T.L. Rybal'chenko. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta, 2007. S. 93-105.
7. Pushkin v russkoi filosofskoi kritike. Konets XIX-XX vek. 3-e izd. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 591 s.
8. Khristos i kul'tura. Izbrannye trudy Richarda Nibura i Rainkhol'da Nibura / Per.s angl. Sost. P.S. Gurevich, S.Ya. Levit. M.: Yurist", 1996. 575 s.